

Գ.Գ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

**ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹ.
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԴԱՍԵՐԸ ԵՎ ԺԱՄԱՆԱԿԻ
ՄԱՐՏԱՀՐԱՎԵՐՆԵՐԸ**

ԵՐԵՎԱՆ - 2005

Г.Г. АРУТЮНЯН

**КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА:
УРОКИ ИСТОРИИ И ВЫЗОВЫ
ВРЕМЕНИ**

ЕРЕВАН - 2005

G.G. HARUTYUNYAN

**CONSTITUTIONAL CULTURE: THE
LESSONS OF THE HISTORY AND THE
CHALLENGES OF THE TIME**

YEREVAN - 2005

Резюме

Понятие “конституционная культура” нуждается в определенном переосмыслении и серьезном научном анализе в свете развития нового тысячелетия. В XXI столетии в ряду вызовов, вставших перед человечеством, особенно важны гарантирование системной устойчивости и исключение социальных катаклизмов, чреватых беспрецедентными последствиями. На протяжении последних столетий эту роль в большей мере выполнял Основной Закон государства. Закрепляя цели и основополагающие принципы общественного бытия, исходящие из целостности цивилизационных ценностей конкретного общества, Конституция устанавливает основные правила общественного поведения, характер взаимоотношений индивидуума и государства, порядок и границы осуществления власти, создавая при общественном согласии среду, необходимую для прогресса и полноценного проявления созидательной сущности человека. Такая возможность возникла на определенном уровне развития цивилизации и общественного сознания.

Понятие “конституция” (от латинского “constitutio”) означает установление, учреждение, организация. Оно характеризуется как Основной Закон государства, обладающий высшей юридической силой. Его основные характеристики обусловлены тем обстоятельством, что им устанавливаются:

- основы государственного строя;
- гарантии по обеспечению и защите прав и основных свобод человека и гражданина;
- система государственной власти, ее функции, принципы и порядок организации;
- правовые границы осуществления политической власти, а также политических, экономических, социальных свобод индивидуума.

Понятие “конституция” в армянском языке также, в первую очередь, подразумевает “установление”. Как отмечает про-

фессор Х. Самвелян, в средневековые армянские национально-церковные собрания (соборы), претендуя на “значение законодательного фактора”, использовали термин “границы”, который “...часто имеет синонимичное “канону”, “закону” значение; поэтому в канонических решениях часто встречаются глаголы **устанавливать, конституировать** - в смысле устанавливать законы, правила”. В то же время понятие “конституция” этимологизировалось также в смысле “поставить границу”, уточнить границы власти и создать “неминуемую западню” для всех тех, кто попытается перешагнуть за пределы установленных законом полномочий.

Примечательно толкование понятия “конституция”, данное в “Новом словаре древнеармянского языка” (Венеция, 1837). Вначале приводятся разноречивые эквиваленты, как, например, *determinatio, constitutio, statutum, dispositio*. Далее дается исключительно интересная и ценная формулировка: **“определение пределов и Провидение Божие”**. Приводятся образцы применения понятия “конституция” из исторических свидетельств, в частности, высказывание Мовсеса Хоренаци (V в.) в связи с Аштишатским Собранием о том, что “канонической конституцией установлено милосердие”, или выражение Аристакеся Ластивертци (XI в.) “Халкидонская Конституция”. Очевидно, что в этом словаре понятие “конституция” имеет широкий смысловой охват, в основе которого лежит ряд важных составляющих:

- 1) это – решение, порядок, законоположение;
- 2) оно имеет устанавливающее значение, не допускающее “решений”, уклонившихся от него, выше его или сверх него;
- 3) выражение “Провидение Божие”, взаимодополняя устанавливающий и высший характер подобного “решения”, особо подчеркивает наличие лежащих в его основе неизменных, “ниспосланных свыше” ценностей.

Наша рукописная традиция в ее грабарных (древнеармянских) вариантах была последовательна в вопросе осмысления понятия “конституция”, что не сохранилось в переводах на ашхарабар (новоармянский). Типичным примером является приведенная из “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци мысль, в которой беспрекословно говорится о явлении “конституция”. В переводах понятие “конституция” было заменено словом “границы”, что привело к полной утрате первоначального смысла.

“Новый словарь древнеармянского языка” под понятием “конституция” подразумевает “устанавливать”, интерпретируется как ставить границу, решать, регулировать, упорядочивать, законодательствовать, конституировать. Все это, очевидно, в своей основе содержит значение регламентации, праворегулирования. Следовательно, перечисленные характеристики понятия “конституция” обладают также нормативным характером.

“Конституирование” общественных отношений, **установление при всеобщем согласии общеобязательных правил поведения**, исходя из их характера, формы, круга охвата, состояния применения, ценностно-системных ориентиров, формирует соответствующую конституционную культуру. **Конституционная культура - определенная ценностная система созидательной жизни человеческого общества, относительно к основополагающим правилам, нормам и принципам общественного бытия.**

Конституционная культура не только предполагает определенный уровень общественного согласия и социальной роли человека, возможность гарантирования упорядоченного развития общественного бытия на основе разумно осмысленных ценностей и принципов, но и способность превратить эту возможность в реальность.

Основные элементы конституционной культуры – ра-

зумное осмысление социального общежития, наличие основополагающих ценностей бытия, общественное согласие относительно них, их воспроизводство в образе жизни и образе действий посредством правил и норм общеобязательного поведения, придание им определенно систематизированного правового характера.

На заре человеческого общества основу бытия социального общества составляли обычаи, традиции, моральные нормы, духовные ценности, разнохарактерные правила и каноны, которые в человеческом общежитии исполнялись и сохранялись как обязательные условия поведения. Поскольку они относились ко всему обществу и имели системно упорядочивающее значение, они содержали в себе элементы конституционной культуры.

Конституционная культура, вместе с тем, более целостно проявляется на определенном уровне цивилизации, когда появляется осознанная необходимость в установлении при общественном согласии основных правил поведения как общеобязательных правовых норм. В правовой плоскости эта потребность привела к появлению конституций и конституционному упорядочению общественной жизни. На этом этапе конституционная культура получает новое качество в тех общественно-государственных формациях, где наряду с Конституцией наличествует также конституционализм, то есть конституционные нормы и принципы становятся действенной реальностью, сформировалась необходимая и достаточная для конституционной демократии среда, где Конституция - не орудие в руках государственной власти, а основной закон гражданского общества, средство обеспечения гармоничного и стабильного развития общества, устанавливающее не только основные правила поведения, но и границы власти, ограниченные правом.

В русле современных достижений цивилизации основная характеристика конституционной культуры - это то, что **Ос-**

новой Закон страны должен включать всю систему фундаментальных ценностей гражданского общества и гарантировать их устойчивую и надежную защиту и воспроизводство. Эти ценности, в свою очередь, формируются на протяжении веков, каждое поколение переосмысливает их и своими дополнениями гарантирует дальнейшее развитие. Удача сопутствует тем нациям и народам, у которых эта цепь не прерывается или серьезно не искривляется. Следовательно, **понятие “конституционная культура” может характеризоваться как исторически сложившаяся, стабильная, целостная, обогащенная опытом поколений и всего человечества определенная ценностная система убеждений, представлений, восприятия правоотношений, правосознания – система, лежащая в основе социального общества, способствующая установлению и реализации основополагающих правил поведения на основе общественного согласия.** Конституционная культура характеризует также качество и уровень взаимоотношений конституционных субъектов и институтов, степень “зрелости” правовых отношений между ними.

Говоря о конституционных культурах, специалисты подчеркивают также системные особенности их формирования. Например, профессор Сандерс различает такие конституционные системы, как системы Соединенного Королевства, США и Франции, Роберт Гудин делает акцент на тождестве конституций разных стран. Однако, независимо от различий в акцентах, историческая действительность такова, что любая страна и любой народ прошли самостоятельный путь формирования конституционной культуры и утверждения конституционной действительности, в той или иной мере перенимая опыт других, делая ее более целостной и дополняя, исходя из своей ценностной системы. Основное, существенное в том, что конституционная культура и сама Конституция **не могут стать импортируемым или экспортируемым товаром.** Это

действительность, которая формируется на ценностной системе данного общества, конкретной социальной общности.

В армянской исторической действительности имеют место исключительные проявления элементов конституционной культуры, которые и для наших дней имеют большое значение и нуждаются в глубоком осмыслении. Автор попытался обратиться к некоторым историческим реалиям христианского периода, исходя из необходимости их анализа в контексте нынешних проблем.

Элементы конституционализма сформировались в течение длительного исторического периода и в армянской действительности проявились с особой последовательностью, особенно после принятия христианства как государственной религии (301г.), в условиях необходимости установления взаимосогласованных, единых правил светской и духовной жизни. Вопросам закона, права, правосудия, неизбежности наказания, соизмеримого с виной возмещения, взаимосвязанности понятий “разумность” и “закон”, а также вопросам их роли в управлении государством и обеспечении стабильности общества обращались Месроп Маштоц (362-440), Езник Кохбаци (около 380-450), Егише (410-475), Мовсес Хоренаци (около 410-495) и многие другие выдающиеся армянские мыслители средневековья. Между тем, различая божественное правосудие от человеческого, подчеркивалось, что “закон царей наказывает преступников, а Бог - и преступника и народ: преступника - как Законодатель, а народ - как Провидец”. Одной из характерных черт этого периода является то, что огромное значение придается роли закона и правосудия в деле утверждения общественной солидарности, гарантирования устойчивого развития государства.

Мовсес Каланкатваци упоминает: “В годы правления царя Вачагана из Агвена между мирянами и епископами, священниками и архиепископами, дворянами и простолюдинами

возникали многочисленные противоречия. Царь пожелал созвать многолюдное Собрание в Агвене, которое состоялось в мае месяце, 13 числа”.

Результатом этого Собрания стало принятие Канонической Конституции, включающей 21 статью. Историография считает датой принятия этой Конституции 488 год.

В связи с исследуемым материалом следует особо выделить следующие обстоятельства:

1. К середине V века в армянской действительности сформировалась среда, в которой делалась попытка разрешить возникшие между различными слоями общества “...противоречия” не силой или “административными” методами (в том числе указом Царя или дубинкой), а правовым путем - принятием конституционного закона. Это обстоятельство свидетельствует как о высоком правосознании автора инициативы, так и о принятии обществом подобного подхода и зрелости соответствующей среды.
2. Фактически, принятие Учредительным собранием Конституции - удивительно прогрессивное для своего времени событие - свидетельствует, что в основу регулирования общественных отношений положены принципы общественного согласия.
3. Каноны характеризуются не иначе как конституционные, получая особый статус, с признанием верховенства установленных национальным согласием норм над любыми другими нормами и правилами.

Устанавливать правила и ставить границы действий, осуществляя это посредством представительного собрания, и достигнутое соглашение засвидетельствовать всеми дворянами Агванка и, “чтобы запись была более достоверной”, закрепить

ее царским перстнем – это не просто свидетельства рождения Конституции как явления в истории армянского права. Мы имеем дело с достойным особого внимания событием, позволяющим провести аналогии между обоснованием необходимости и порядком принятия Конституции в 488 году в Агванке и принятием Конституций США 1787 года, Польши и Франции 1791 года, а в дальнейшем - и конституций других стран. Такова же общая философия: установить основные правила общественного бытия, которые верховенствовали бы над другими законами и правилами, как и ограничить действия носителей власти в рамках конституционных правил, осуществить это путем созыва Учредительного собрания и общественного согласия.

Проводится параллель между этой Конституцией и “Афинской пометией” (Конституция Афин) Аристотеля.

В армянской действительности, а именно в Канонической Конституции царя Вачагана, не только получила определенное развитие древнегреческая демократическо-правовая культура, но она была дополнена также имеющим “мощь голосования” и являющимся проявлением общественного согласия новым событием – созывом Учредительного собрания.

В конце XVIII века цивилизация связала появление Основного Закона государства, необходимость Конституции с необходимостью гарантирования устойчивого и динамичного развития страны на основе общественного согласия. По существу, та же цель преследовалась в армянской действительности раннего средневековья. История - свидетель также того, что на подобной правовой основе были достигнуты большие успехи и страна пробуждалась, а господство насилия, “непонимания”, разнохарактерных “противоречий” сопровождалось неизбежными потерями и разрухой.

Мовсес Хоренаци начинает свою “Историю Армении” словами осуждения “...немудрых нравов наших первых царей и князей” и достойно воздает тем, чьи “изложения читая, полу-

чаем науку мирских порядков и изучаем политические системы”. Несомненно, одним из достойных был также Царь Вачаган, уроки мудрости которого имеют современное звучание.

Очень ценны также свидетельства Маттеоса Урхаеци, который, говоря об относящихся ко времени принятия Канонической Конституции событиях, отмечает: “Это было в те времена, когда на четыре части разделился Престол Святого Григора ...В те времена, когда разумные овцы стали развратными, у зверей появилось сердце, и стали дерзкими, и начали лаять в лицо патриархам. ...Однако подобный переполох и негодование не смогли проникнуть в страну Агвуна, которая называется Великая страна Армянская...”.

Очевидно, что прогрессивно и устойчиво то общество, в основе которого лежит общественное согласие. Эта культура, отчетливо проявившись в армянской действительности в 488 году, в своей основе имела также серьезную предысторию, которая начинается с принятия христианства в качестве государственной религии, разработки различных духовных и светских правил, особенно Канонов Собрании в Аштишате (365г.), Канонов Шаапивана (446г.), установленных собранием при участии армянской знати. Очевиден тот факт, что когда в армянской действительности акцент ставился на регулировании общественной жизни посредством правил, достигнутых взаимосоглашением, во всех сферах наблюдался значительный прогресс. Хотя и в зародышевом состоянии, однако конституционная культура для нашего существования и развития имела стержневое значение еще на заре истории человеческого общества. Напротив, несогласия или попытки их преодоления насильем стали причиной неудач. Во веки веков весомы слова Великого Отца армянской историографии в реквиеме по поводу распада Аршакидского царства, где в качестве основной причины случившегося отмечается то, что “разгневался мир, укоренился беспорядок, нарушилось православие, основалась невежеством ересь”.

После принятия христианства как государственной религии, когда правила духовной и мирской жизни в основном устанавливались совместно, одно из наиболее характерных и достойных внимания обстоятельств состоит в том, что **в основу правового регулирования был положен фактор общественно-го согласия**. Внутри общества отношения регламентировались соглашением, достигнутым на собрании, а не силой принуждения и единоличным диктатом. Мовсес Хоренаци, например, говоря о Собрании Аштишата (365г.), свидетельствует, что на третий год царствования Аршака сын армянского Верховного Патриарха Атанагинеса Нерсес Великий **“созвал собрание епископов и мирян, канонической конституцией установил милосердие, искоренил жестокость”**. Собрание запретило браки между близкими родственниками, осудило коварство, доносительство, жадность, алчность, хищение, мужеложство, сплетни, заядлое пьянство, лживость, проституцию, убийство. Вместе с тем оно и обязало нахараров милосердно обращаться с труженниками, а слуг - быть покорными своим хозяевам. Было решено для немощных построить больницы, для сирот и вдов - сиротские и вдовьи приюты, для чужеземцев и гостей - гостиницы; для их содержания были установлены пошлины и налоги.

В первой половине V века созывается Собрание в Шаапиване, где, согласно историческим летописям, **“собрались 40 епископов и многие священники, дьяконы, ревностные служители и все духовенство святой церкви, все князья: управляющие уездов, руководители уездов, верховные судьи, казначеи, военачальники, тысячники, сходские староста, азаты разных районов”**. Старшие нахарары Страны Армянской, которые были ревностными защитниками законов и святынь, говорили так: **“Восстановите установленный Святыми Григором, Нерсесом, Сааком и Маштоцом порядок и правила, а также по вашей воле установите другие блага, и мы добровольно и с любовью примем, так как ослабили порядок и**

правила церкви, и люди вернулись к произволу. Вы установите законы, угодные Богу и пригодные в деле призвания к жизни церкви, а мы повинемся и будем держать их крепко”.

Собранием Шаапивана было принято 20 канонов, которые касаются таких важных и злободневных вопросов внутренней жизни Армении, как регулирование брачно-семейных отношений, деятельность духовенства и контроль за ней, борьба против сектантства и другие.

Чтобы не обосновывать ересь невежеством, армянская средневековая история имеет также иные свидетельства, с акцентами на следование правовым правилам, являющимся результатом общественного согласия. Среди них особо выделяется “Армянская книга канонов” Католикоса Ованеса Одзнеци (Ован Имастасер Одзнеци), утвержденная Третьим Двинским Собором в 719г. Одзнеци был одним из первых в мире, после византийского императора Юстиниана Великого (482-565г.), и первым в Армении, кто создал армянский “*Corpus juris canonis*” - собрание законов, которое берет начало от возглавляющего иерократию католикоса и содержит ратифицированные и принятые на армянских национально-церковных собраниях каноны.

Одна из основных особенностей “Армянской книги канонов” заключается в том, что акцент ставится на качествах человеческого существа. Человек со своим достоинством и социальной ролью рассматривается как большая ценность и считается основой праворегулирования.

Хотя в истории армянского народа было много насилия и разрушений, все равно, они не смогли исказить основные качества, составляющие национальную самобытность. В ней всегда преобладали гуманизм, глубокое рационально-философское восприятие явлений, верность духовным ценностям и законности. Для армянской действительности незыблемой ценностью было осознание того, что “потеря души, когда ухо-

дят от чистой, прямой и проповедуемой апостолами веры в Отца и Сына и Святого Духа, больше, чем потеря тела”. Тысячу лет назад Григор Нарекаци в “Книге скорбных песнопений” наилучшим образом представил сгусток духовных восприятий армянской идентичности: “обозначая самые разные страсти каждого”, он подчеркивает, что совершенные человеческим естеством грехи, насколько бы они не были многочисленны и разнохарактерны, - не столь его преступление, сколь его несчастье. И устами армянского народа прочитав “высочайшую молитву к Богу”, Нарекаци молит Господа о том, чтобы Он наставил человека на путь истинный и чтобы человек жил по-человечески. А это он считал реальным в условиях согласия, справедливости, в обществе, придерживающемся закона и “здоровом душой”, где справедливость не может “убывая, совершенно исчезнуть” или “чаша прав на весах стать слишком легкой, делая более тяжелой чашу бесправия”.

Глубоко осознавалось также, что одного хорошего закона и порядка недостаточно; нужно, чтобы люди также поняли необходимость жить по этим законам, чтобы осознание этого было продиктовано уверенностью, базирующейся на устойчивых и богоугодных, диктуемых разумной сущностью человека ценностях. Вот почему Нерсес Шнорали (Нерсес Д Клаеци) в “Соборном послании” (1166г.) обратил свое слово не только к Богу, но и духовному сословию, “князьям мира” и народу. “Соборное послание”, будучи первым кондаком Шнорали и венцом его прозаических работ, имеет исключительное значение и в плане обобщений правовой и конституционной культуры. Этот документ уникален своим концептуально-программным масштабом, ценностно-системным обобщением, взаимогармоничностью норм-целей, норм-принципов и норм “обхождения”. Составляя правила и наставления, основанные на высоких духовных и моральных ценностях и обращенные ко всем общественным слоям, Шнорали был уверен, что только живя этой обязанностью и руководствуясь ими можно ча-

ять удачи, преодолеть тревогу “зла и многовластия”, руководствоваться “ростками справедливости”. Мирян он поучал “не беззаконничать, не лишать, не использовать злые наставления, не совершать бесовские суды, защищать вдов и бедных, не урезывать плату труженика, относиться ко всем равно, не забывать ради телесного о душевном”. Без преувеличения можно констатировать, что “Соборное послание” содержит множество норм относительно прав человека и компетенции властей. “Князьям мира”, в частности, делегируется: “Бесовски не обращайтесь с подданными, устанавливая тяжелые и непосильные налоги, а каждого судите по закону и по его состоянию”, “никого не лишайте и не притесняйте бедных и нищих”, “не назначайте в вашей стране злых и бесовских делопроизводителей и уездных начальников”, “бесовски не судите кого-либо, а прямо свершайте суд”, “не пренебрегайте правами вдов и бедных” и т.д. Достойны внимания подходы Шнорали к вопросам суда только по закону, обратной силы закона, соразмерности степени ответственности и наказания и к другим правовым проблемам (“чтобы не было так, что побуждаемые злостью и несправедливым правом выносили решение: или накажите одного, или выносите смертный приговор, поскольку Новый Завет это не позволяет, а Ветхий Завет хотя и позволяет любого осудить наказанием или смертью, но не без вины”). Более того, основа всех наставлений – человек, с необходимостью осмысленной организации его морального образа, душевной чистоты, разумного бытия.

Из приведенных свидетельств следует, что в армянской средневековой действительности результатом общественного согласия было не только принятие законов и правил, но также очевидно, что в основу определения этих правил положены подобное общественное требование и необходимое сознание. Одной из основных причин создания “Судебника” Мхитара Гоша (1184), являющегося одним из исключительных

образцов правовой мысли, было также то, что “зло вообще обрело могущество и стало “сущностью человека”. То же зло, переросшее в несовершенство души, уничтожило совершенство и на место сострадания и любви поставило ненависть. Судебник был призван способствовать восстановлению совершенства естественного закона, и заменить ненависть друг к другу состраданием и любовью”. Особого внимания достойно то обстоятельство, что политико-правовая концепция Мхитара Гоша базируется на теории естественного (божественного) права, основные принципы которого – равенство людей (перед Богом), свобода, право на жизнь, неприкосновенность собственности и т.д. Следовательно, позитивное право должно исходить из принципов естественного права, которые устойчивы и неизменяемы, а позитивное право создается людьми, и на нем ставят свою печать время и конкретные общественные условия. Еще одно исключительно важное обобщение заключается в том, что, согласно Мхитару Гошу, каждый народ и каждая страна должны иметь свое законодательство и правовые нормы, выбирать суд “согласно времени, и нации, и миру”.

Основные качества армянской правовой мысли этого исторического периода проявились также у Нерсеса Ламбронаци (1153-1198). Как в естественном мире, так и в социально-политической и моральной сферах **все считая относительным**, Ламбронаци в то же время полагает, что люди наделены свыше свободой выбора (воли), поэтому полностью ответственны за все свои действия, поступки и их последствия. Он считает важной роль воспитания в деле преодоления и уничтожения существующих в обществе беззакония и несправедливости. Он считал также, что игнорирование и маскировка имеющихся в обществе недостатков приводят к углублению существующих ошибок и пороков.

К борьбе против произвола и правонарушений был призван также Судебник Смбата Спарапета, созданный в 1265 го-

ду и имевший в XIII-XIV веках большое практическое значение в деле укрепления и усиления Киликийской армянской государственности. Причем, исследователи справедливо отмечают, что если у Мхитара Гоша правовое сознание и созданная система не только исходят из теории естественного права, но и пронизаны ею, то Смбат Спарапет, хотя и исходит из принципов естественного права, тем не менее, созданная им система полностью относится к сфере позитивного права.

Армянская правовая мысль XIV века, в лице Григора Татеваци (1346-1409), особо важное значение придавала задаче взаимоотношений человек - общество и предложила концептуальный подход, согласно которому наиважнейшие общегосударственные задачи (благоустройства страны, мира и войны и т.д.) должны решаться **общим разумом и общей волей**. Причем, субъектом права выступает не монарх-самодержец, а народ, его единая воля. Монарх, согласно этой концепции, лишается единовластия, права единолично решать общегосударственные вопросы. Правы те авторы, которые считают, что в данном случае мы имеем дело с признаками конституционной монархии. Татеваци также различает “божественное право” и позитивное право, которое закреплено в разных законодательных документах. Божественные законы неизменны и исключительны, перед ними все люди равны. Нормы позитивного права должны базироваться и исходить из божественных законов, одновременно отражая общественно-политическую действительность.

На протяжении веков одним из основных качеств нашей самобытности и существенных свойств армянского правосмышления было то, что основным средством борьбы против “беззакония” и установления “жизни с любовью” являлись “угодные богу и пригодные в деле призвания церкви к жизни законы”, правила, соотносимые с “естественной природой человека”, а также готовность “усмирять” и крепко удерживать их. Данный подход лежит также в основе решений Соб-

раний Двина (VI, VII вв.), Партава (VIII в.), Сиса (1243г.), Дзагавана (1268г.), Иерусалима (1651г.).

Вековая потеря государственности, длительное воздействие внешних факторов помешали воплотить посредством учредительного собрания это богатое наследие правовышления в единую конституцию страны. Однако невозможно было сковать полет мысли. В 1773-88 гг. в Индии, в городе Мадра-се, отец и сын Шаамиряны создали исключительный памятник права - Конституцию независимой Армении, лелеемой в их мечтах, состоящую из 521 статьи и озаглавленную "Запад-ня тщеславия". Эта работа - одно из немногих достижений общечеловеческой общественно-правовой мысли, выдвину-тые в ней и приведенные в определенную систему идеи явля-ются не только результатом глубоких теоретических обобщений, но и основополагающей ценностью международных конституционных развитий. Само название работы, по оценке известного профессора конституционного права Доминика Руссо, - целая правовая теория. Эта Конституция была приз-вана гарантировать "...возможность сохранения свободы" и создания "... неминуемой западни для всех низких людей, чтобы они были вынуждены оказаться под гнетом полезной деятельности". Она должна была иметь краеугольное значе-ние для руководства справедливыми законами, естественным правом и справедливостью.

Считаем необходимым особо подчеркнуть, что в XVIII веке армянская конституционная культура базировалась на прин-ципе верховенства права, сознании приоритета естественных прав, разделении властей, гарантировании гармоничности конституционных функций, сдержек и противовесов. "Запад-ня тщеславия" - не отклик на влияние европейской правовой мысли, а в правопознавательном и научно-методологическом плане своеобразное обобщение результатов национально-церковных собраний Агвена, Аштишата, Шаапивана, Двина, Партава и др., плодотворной деятельности Ованнеса Одзнеци,

Ованнеса Саркавага, Давида сына Алавика, Мхитара Гоша, Нерсеса Шнорали, Нерсеса Ламбронати, Смбата Спарапета и многих других представителей армянской общественно-правовой мысли. Большое обобщение содержит 389 статья Конституции Шаамирянов, в которой закреплено: “Каждая статья закона включает многочисленные подробности, которые могут быть разъяснены мудрыми людьми. Все объяснения о законе, если преследуют полезную цель и соответствуют желанию Армянского дома [Парламента], должны быть удостоены чести, но не те объяснения, которые противоречат человеческой природе”. Здесь не только устанавливается классическое правило толкования закона, но и подчеркивается, что его основа - разумная природа человека, верховенство его права.

В аспекте принципов власти народа, верховенства права, представительной демократии, разделения властей и их функциональной независимости, социальной защищенности и других основополагающих конституционных принципов, вплоть до конституционного правосудия, следует отметить, что впервые в армянской действительности представлена целостная и упорядоченная система норм конституционного права, не только обобщающая достижения армянской и мировой правовой мысли, но и формирующая начало нового государственного мышления. Только “плоды древа права и правосудия” могут стать основой благочестивой (праведной) деятельности “справедливых правительств”, ищущих в справедливости и законности счастье индивидуума и общества, имея исходным императив “жить по закону и справедливости”, - таков наивысший наказ “Западни тщеславия”. Чтобы “жить как разумный и достойный человек ...мы должны выбрать для себя поведение, порядок и закон”, не руководствоваться “беспорядком и беззаконием”, уметь “собираться - слушать о праве, составлять законы”. Как метко и точно сказано, насколько гармонирует с прогрессивным правовым мышлением даже XXI века. Единствен-

ный путь становления правового государства - до “составления” закона глубокое понимание и следование совету “выслушать о праве”. Вывод таков, что “...ни у нас и ни в нашем мире пусть не будет и не выступает кто-либо, кто своими поступками будучи своевольным и своенравным человеком, не будет наказан по закону, и пусть наши законы будут нашим хозяином и царем, вне наших законов никого не признаем выше, кроме только Бога Создателя...”.

Сегодня более чем актуальным является также другое положение предисловия “Западни тщеславия”: “...как много **добра** нам нужно, **чтобы нашу жизнь сдерживать законом и свободой**, чтобы стать достойными почитания Господа...”. А эти законы должны диктоваться “...гармонично человеческой природе, согласно желанности нашей разумной души”.

Особо привлекает внимание обращение Шаамирянов к римской действительности: “Пока они были непоколебимы и оставались верными своим законам, мужественные и подбодренные любовью, из незначительного положения возросли, размножились и благодаря своим законам осчастливились”, однако когда старейшины (сенаторы) Рима позволили, чтобы должность императора “стала наследственной”, то в их свет проникла тьма, в их добро - зло, в их единство - трещина, в их равенство - камнеметание, земля и небо, т.е. высшее и низшее. ...Этим непримиримость вошла в них”.

Будучи Конституцией, предусмотренной для государства с парламентской формой правления, “Западня тщеславия” устанавливает строгий порядок выборов в Армянский дом (законодательный орган), трехлетний срок, определенные полномочия, регламенты принятия закона и осуществления назначений и т.д. Законодательный орган формирует исполнительную и судебную власть в установленном законом порядке. Любой орган власти действует в рамках своей компетенции, установленной законодательством: “Патриарх, нахарар, епископ, староста, священники, власть имущие, никто никому

не должен давать приказ, не касающийся его положения и или не более того, что дано каждому в соответствии с его положением как со стороны церкви, так и Армянского дома” (ст. 364). Устанавливается определенный принцип иерархичности правовых актов: “Каждый документ, касающийся либо продажи, либо заключения союза, либо любых других действий, кем бы он ни был подписан, не будет иметь цены, если противоречит Армянскому закону **или разумной природе человека**”. Отдавая предпочтение “разумной природе человека”, дается точная и целостная формулировка принципа конституционного правового равенства (ст. 3): “Любое человеческое существо, как армянской, так и другой национальности, рожденное в Армении или странника из чужой страны в Армении, как мужского, так и женского пола - все равны и будут свободны во всех своих делах, никто не имеет право властвовать ни над кем, а созданное их руками должно оплачиваться соответственно каждой работе, согласно Армянскому закону”. Даже вопросы защиты прав осужденных не остались без внимания Шаамирянов: “Тюрьма правонарушителей должна быть чистой, чтобы не был нанесен вред здоровью заключенных” (ст. 148). Предусматривая определенные нормы конституционного регулирования осуществления права собственности, вопросов социальной защиты, в то же время важное значение придается национально-государственным приоритетам. Статьей 127, в частности, устанавливается: “Армянский дом должен содействовать всем специалистам, особенно в области философии, астрологии, медицины, музыки, ораторского искусства и др”.

Превыше всего ставя “всеобщеравную” роль и сдерживающую силу закона, ставя в основе этого право и “гармоничные природе человека” ценности, **основываясь на концепциях естественного (божественного) права и общественного союза**, Шаамиряны изложили свои конституционные правила “Для правления Армянской страной”, которые, являясь исклю-

чительной ценностью конституционной культуры, вместе с тем имеют важное значение для увязки прошлого и современного правовышления, для использования уроков прошлого в неуклонном движении по пути установления независимой правовой государственности.

Более чем семивековая потеря армянской государственности оставила свою печать на общественном сознании людей. Поневоле деформировались многие гражданские качества. Закон воспринимался также как принуждение чужого и тормоз для проявления свой самобытности.

Бесспорно, что правовая культура - неотделимая часть национально-государственной культуры. Армянская правовая культура оставила достойные внимания памятники общечеловеческого масштаба. Однако правовая культура, будучи органической частью национальной культуры, в основном **была оторвана от национально-государственной культурной среды**, которую мы просто не имели в период потери государственности. К современным приоритетам становления государственности необходимо, в первую очередь, причислить формирование такой конституционно-правовой культуры, которая послужит основой для формирования и укрепления гражданских качеств индивидуума, станет предпосылкой установления правовой демократии. Утверждение в стране демократии - само по себе недостаточно и не самоцель. Это **должна быть правовая, конституционная демократия, придавая системе целостность и необходимые либеральные качества**.

В настоящее время международная конституционно-правовая мысль, более чем когда-либо, придает важное значение надежному гарантированию конституционных принципов и норм в общественных отношениях, так называемой конституционализации этих отношений, как предпосылке становления правовых, демократических государственных систем. Ес-

ли до XVIII века развитие политико- правовой мысли привело к принятию конституций, к идее установления общественного согласия посредством Основного Закона социального общества, то основная задача постконституционного периода - гарантирование в стране конституционализма, который поднимает конституционную культуру на качественно новую ступень. К сожалению, у нас эта задача только недавно приобрела актуальность, поскольку она осуществима только в условиях независимой государственности.

Конституционализм, который является воплощением конституционной культуры, в свою очередь, - сложное общественно-политическое и государственно-правовое явление. Он, в первую очередь, подразумевает утверждение конституционной демократии во всей государственной системе. Это цель, к которой стремятся все страны, избравшие путь социального прогресса. Однако осуществление этой цели, в частности, требует таких обязательных гарантий, как признание и гарантирование государством и всем обществом конституционных целей и основополагающих принципов, наличие соответствующей конституционным принципам государственной власти, становление правовой системы, построенной на принципе верховенства права, надежная защита конституционного строя и верховенства Конституции и др.

Вопрос не только в том, каковы закрепленные Конституцией конституционные порядки и какие принципы положены в основу взаимоотношений права и власти. Существенно то, как в общественной жизни проявляется данный конституционный строй, насколько облекаются в плоть и кровь основополагающие принципы Конституции.

Совместное гармоничное существование Конституции, основанной на принципе верховенства права, выступающей гарантом становления правового государства и гражданского общества, и равноценной ей конституционной демократии предполагает наличие определенных необходимых и доста-

точных предпосылок. Среди них исходной является степень становления либерального правосмысления и его общественного восприятия и охвата. Такое правосмысление лежит в основе современных европейских конституционных разработок.

Важная стадия теоретико-философского восприятия и правонаучного толкования права началась в Европе еще в середине XVII века. Одна из характерных особенностей этого периода в том, что сформировалось более целостное мировоззрение о естественном праве и отвергалось так называемое феодальное юридическое мировоззрение. Среди носителей новых взглядов особо выделялись Н. Макиавели (1469-1527), Г. Гроций (1583-1645), Б. Спиноза (1632-1677), Т. Гоббс (1588-1679), Дж. Локк (1632-1704), Ш.-Л. Монтескье (1689-1755), Ж.-Ж. Руссо (1712-1778), Т. Джеферсон (1743-1826), Т. Пейн (1737-1809), Э. Кант (1724-1804), Г. Гегель (1770-1831) и др. Г. Гроций, в частности, считал, что естественное право исходит именно из существа человека, которое и побуждает его к общению с себе подобными.

Признание естественного права **придало юриспруденции научный характер**. Волеустановленное право оказалось не в состоянии добраться до своих научных корней.

Развитие экономических отношений, создание свободного и конкурентного пространства, признание прав человека **в качестве критерия ограничения власти**, как и постепенное укоренение других элементов либерально-ценностной системы в европейском правосмыслении на протяжении последних более чем трехсот лет кристаллизировались в таких нормах и принципах, которые со второй половины XX века сформировали качественно новый уровень европейского права.

Характерные для гражданского общества ценности, качества правового, демократического государства формировались на протяжении веков, однако стали системными регуляторами общественной жизни, особенно в последние несколько десятилетий предыдущего тысяче-

летия. Фактически, начиная с 1950-х годов, общие демократические ценности и принципы правового государства нашли свое системное отражение в конституционных решениях европейских стран, с учетом особенностей конкретных стран. Однако общее для всех заключается в том, что закон и государство должны быть правовыми, гарантировать равенство, свободу и справедливость, ценностно-системная основа которых - приоритет неотъемлемых прав человека. Причем, правовая система становится целостной и жизнеспособной, когда эти ценности становятся конституционными, получают конституционные гарантии признания, обеспечения и защиты.

Европейские демократические процессы, с углублением рыночных экономических отношений, еще в начале XX века создали предпосылки для утверждения **либерально-правового типа правосознания.** Сущность последнего сводится к признанию естественных прав человека как высшей ценности, как непосредственно действующего права и основы позитивного права. Неизбежная логика демократических развитий заключалась в том, что в европейской правовой системе **гарантия верховенства права стало краеугольной ценностью.** В свою очередь, ценностно-системной основой конституционной культуры стали **человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, верховенство права и уважение прав человека** - ценности, которые характерны для **общества, построенного на принципах недискриминации, плюрализма, толерантности, правосудия и согласия.** Эти же ценности положены в основу Конституции Европейского союза, считающейся большим достижением международной правовой мысли.

Автор анализирует также постсоветскую действительность. Выделяются некоторые обобщения:

- 1) многие страны, находящиеся на этой территории, не прошли тот путь развития либеральных рыночных отношений, который для Европы длился более двух столетий. Многие просто перешли от феодализма к “социализму”;
- 2) сформировались отношения собственности совсем иного характера. В условиях господства государственной собственности на средства производства народ был отделен от власти и из субъекта власти превратился в объект. Право же было призвано защищать не человека и его собственность, а власть;
- 3) сформировавшееся на протяжении веков правовышление уступило место построенному и сформированному на атеистическом мировоззрении догматическому легистско-позитивистскому правовышлению;
- 4) в условиях однопартийности источником права стала исключительно воля политической силы. Реальным нормотворческим органом стал высший орган партии, который имел неограниченную и несбалансированную власть.

Естественно, на протяжении десятилетий волеустановленное правовышление своими политизированными и деформированными проявлениями пустило глубокие корни во всем бывшем СССР, а также в Восточной Европе. Все это стало серьезной причиной правовых системных деформаций.

Основные конституционно-правовые деформации в переходной общественной системе условно можно разделить на три группы:

- 1) инерция правовышления и правоприменительной практики;

- 2) искаженные конституционно-правовые решения и пробелы;
- 3) механическое заимствование или копирование прогрессивных правовых ценностей, без создания необходимой ценностной системы и предпосылок их реализации и без учета национальной конституционной культуры, что в реальной жизни приводит к разнохарактерным деформациям основных конституционных принципов или к оторванности найденных решений от реальной жизни, следствием чего является их недостаточная жизнеспособность.

К сожалению, в ряде стран с переходным обществом системный распад еще не привел к перемене мышления. Огромна инерция мышления и миропонимания. На созерцательном уровне или при трансформации понятия правового государства в лозунг всерьез не воспринимается необходимость гарантирования верховенства права, ограничения власти правом, конституционализации общественных отношений. Представления о власти продолжают оставаться в плоскости возможности применения силы и давления. Демократия рассматривается как добродушное отношение власти, возможность людей выражаться в пределах, разрешенных властью. Это путь не к перестраивающейся Европе, а устремленный к средневековым регрессивным ценностям.

Международная практика свидетельствует также о трех путях установления демократии:

- 1) эволюционное развитие (по которому пошли большинство европейских стран);
- 2) через революции, хаос и анархию;
- 3) через авторитарные режимы (классическими примерами являются Португалия, Испания, Чили). Задача заключается в том, что каждый из них требует свою цену и

время. Всегда несравнимо дорого платят народы стран, избравших второй и третий пути, при этом зачастую не достигая желаемого результата. Сегодняшняя Европа однозначно отвергает эти пути. Основной подход заключается в том, что к демократии можно придти только и только на правовой основе. Там, где насилуется право, демократические лозунги становятся просто средством установления тоталитаризма.

Для переходных общественных систем характерно то, что советское правосознание часто находит благодатную почву для самовоспроизводства.

Сложность и особенность ситуации заключается в том, что мы имеем дело не только с инерцией, имеющей глубокие корни, а также в том, что системный распад выдвинул необходимость перераспределения собственности, чем и обусловлено появление новых явлений. С одной стороны, установление частной собственности объективно выдвигает необходимость упрочения демократии, с другой стороны - советская правовая система, служившая главным образом, защите государства и государственной собственности, в основном потеряла свой предмет и, сохранившись в своих главных чертах и институциональной системе, стала орудием в руках власти, перераспределяющей собственность. Такое положение - самый большой тормоз демократических развитий.

Бесперспективно также акцентирование осуществления правовой революции путем "импорта" демократии без создания необходимой для этого ценностной системы и предпосылок. Это может привести только к неудачному копированию.

Задача должна решаться не только на уровне мышления или на уровне политического сознания, но и должны быть преодолены гносеологические искажения. Следовательно, оптимальный путь становления правового, демократического государства - не бесплодная попытка перепрыгнуть через века или превращение некоторых ценностей и принципов в бу-

мажные лозунги и завуалирование существующей действительности, а **признание европейских ценностей гражданского общества в рамках собственной ценностной системы и последовательное, непреклонное превращение их в осмысленную собственность членов общества.** Конституционно-правовые решения могут быть построены только на этих ценностях, заключая в себе внутреннюю энергию восприятия обществом и придания обществу определенного вектора системного развития.

Председатель Международной ассоциации конституционного права, профессор Черил Сандерс, подчеркивая лингвистические и содержательные сходства конституций разных стран, подчеркивает, что исследование истории их создания свидетельствует, что они производны друг от друга, но они должны быть сообразны ценностной системе того общества, для которого предназначены установленные конституционные принципы и нормы. В противном случае они останутся на бумаге и не будут реализованы в жизни, не станут живой реальностью. Более того, несоответствие ценностной системе действительности может привести к тому, что они из стимула прогрессивных реформ превратятся в стимулятора глубоких социальных противоречий или в орудие принуждения в руках власти.

Основные конституционные принципы и положения зачастую заимствуются в искаженной форме, приспособляются к разным условиям и представлениям. Предварительным условием является признание и восприятие основных конституционных принципов в контексте правовых критериев, и лишь затем глубокое изучение тех подходов, с помощью которых разные страны смогли решить вставшие перед ними конкретные конституционные задачи и обеспечить стабильное конституционное развитие страны. В этом плане очень важно изучение международной практики конституционных изменений разных стран. Например, из исследования конституционных

изменений и конституционных законов последних десятилетий Австрии, США, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Италии, Греции, Португалии, Франции, Финляндии, Словакии и ряда других стран, как и из изучения конституций ряда стран Восточной Европы и бывшего СССР (Польши, Словении, Чехии, Болгарии, Российской Федерации, Литвы, Эстонии, Грузии, Казахстана и др.) следует, что, в плане формирования и развития конституционной культуры, имеется ряд устойчивых и общих тенденций:

1. Все более доминирующими становятся демократические конституционные ценности. Принципы правового, демократического государства приобретают системный характер. Конституционные изменения и дополнения направлены на ограничение власти, децентрализацию политической, экономической и административных сил и одновременно на укрепление гарантий и расширение возможностей институтов самоуправления.
2. Принцип верховенства права приобретает реальное содержание, приводятся в соответствие основные конституционные принципы и конкретные механизмы конституционных правоотношений, повышаются требования к усилению конституционной ответственности.
3. Углубляется процесс конституционализации общественных систем, основные конституционные права и свободы человека и гражданина приобретают непосредственно действующий характер, определяют смысл и содержание власти, укрепляются конституционные гарантии их защиты. **Конституционные определения о достоинстве личности как источнике ее прав и свобод, а также о характере непосредственного действия конституционных прав приобретают об-**

щепризнанное системообразующее содержание.

4. Последовательно конкретизируются функциональные полномочия институтов государственной власти, и они приводятся в соответствие с функциями ветвей власти, укрепляются гарантии независимого осуществления этих полномочий. Приобретает системный характер сбалансированность функциональных, противовесных и сдерживающих конституционных полномочий, разделение властей осуществляется на более конкретной критериальной основе, обеспечивая динамичную функциональную сбалансированность различных ветвей власти. Функционирование институтов государственной власти больше базируется на принципах сотрудничества и взаимодействия.
5. Закрепляется целостный конституционный механизм выявления, оценки и восстановления нарушенного функционального конституционного баланса институтов власти с целью последовательного укрепления иммунной системы общественного организма, усиливаются механизмы внутриконституционной самозащиты, укрепляются гарантии конституционной стабильности.
6. Параллельно с углублением правовой глобализации наблюдается устойчивый поиск механизмов сочетания универсальных ценностей с национальными особенностями. Принципы и нормы международного права на основе общих ценностей, стандартов и позиций играют все более возрастающую роль в национальных правовых системах. Меняются также характер и функции государства и права. Происходит интернационализация права. Укрепляются основы единой европейской системы конституционализма, идея надгосударственной евро-

пейской конституции приобретает реальный облик. В континентальной правовой системе физическое лицо становится субъектом международного права, а международная судебная практика в определенной мере становится важнейшим прецедентным институтом.

Естественно, приведенные обобщения не исчерпывают все основные тенденции конституционного развития в современной Европе, однако представляют основную суть и логику происходящих процессов, при этом констатируя, что верховенство права утверждается на основе **высокой правовой и конституционной культуры**. Правовая глобализация на европейском уровне создала все необходимые предпосылки, чтобы без всякого сомнения утверждать, что **формируется некая новая система права - права цивилизованных народов**.

Наряду с указанными общими тенденциями, важное значение имеют вопросы развития институтов, осуществляющих функции ветвей власти, конкретизации их функциональной роли и наделения необходимыми и достаточными полномочиями.

Учитывая исключительную роль устойчивой власти в переходных общественных системах, можно признать, что отмеченные общие тенденции актуальны в плане формирования концептуальных подходов к конституционным реформам переходных стран и создания предпосылок гарантирования верховенства Конституции. Задача, однако, заключается в том, что эти решения должны быть гармоничны ценностной системе данного конкретного общества, базироваться на необходимых предпосылках и быть результатом общественного согласия.

Эта задача может получить продуктивное решение только в том случае, если **общественным согласием конкретизированы приоритеты развития страны**, положенная в их ос-

нову система ценностей, когда определены концептуальные подходы для обеспечения развития общественной жизни на основе реальных программ, исходящих из этих приоритетов. Это необходимо особенно для переходных общественных систем, в которых господствуют неопределенность и ценностно-системный хаос.

Развитие конституционной культуры как в армянской действительности, так и в международной практике, в своей основе имело стабильные характеристики: общественное согласие и мир, ограничение власти правом, наличие правовых законов, “гармоничных человеческой природе, соответствующих желанности нашей разумной души”, “непоколебимая верность” им, способность сдерживать нашу жизнь “законом и свободой”. Эти ценности выводят на путь прогресса и развития. “Противоречия”, “распутное” поведение, “несогласие”, “признание воли носителя власти выше закона”, “утверждение иррационала невежеством”, “трещина в единстве и взаимопонимании” и многочисленные другие, не соответствующие человеческой природе, проявления зла - прямой путь к неизбежным потерям и регрессу. К сожалению, наша история также сохранила многочисленные свидетельства этого.

Конституции часто пишутся и изменяются в таких ситуациях, когда перед обществом стоят требующие неотлагательно решения задачи. Подобные ситуации диктуют сверхосторожный и ответственный подход к основным качествам конституционной культуры. Отдавая предпочтение текущим задачам, формирующиеся вокруг них политические соглашения часто создают серьезные опасности для будущего, устойчивости конституционного строя страны вообще. Политические события ставят свою печать на восприятии содержания и формах проявления правовых принципов. В основном, политическими событиями обусловлены выбор в стране формы правления, конституционный баланс властей, практика при-

менения сдержек и противовесов, внутриконституционные гарантии преодоления конфликтов в правовом поле, возможности динамичной гармонизации политических и правовых событий и т.д. Для посткоммунистических стран характерно, что на стадиях принятия новых конституций были и стремящаяся к реваншу левая оппозиция, и революционный либерализм. Их взаимовлияние сформировало определенную среду политического взаимосогласия правовых решений. Почти во всех этих странах постепенно не только ослабился левый реваншизм, но и либеральный романтизм уступил место умеренному реализму. Существенно нарушился баланс внутренних политических влияний. Над конституционными решениями, новыми изменениями постепенно стало господствовать административно-политическое влияние действующей власти, что опасно в той мере, в какой конституционные решения приспособляются к решению политических задач, не превращая их в результат общественного согласия относительно общих подходов.

Конституционные реформы должны стать средством достижения общественного согласия, преодоления политических кризисов, а не жертвой “противоречий”. Изучение опыта многочисленных стран свидетельствует, что основные характеристики таких кризисов – это спад доверия народа к политической власти, расширение и системный характер коррупции (в том числе наличие политической коррупции), централизация политической, административной и экономической сил, укоренение корпоративно-кланового правления в системе государственной власти, высокий теневой уровень в сфере общественных отношений и т.д. Углубление этих явлений уничтожает гарантии непрерывности процесса становления конституционной демократии, что представляет большую опасность для переходных стран.

Конституционная архитектура имеет свою логику, принципы и границы.

Основная задача принятия конституций или внесения в них изменений - гарантирование верховенства права. В свою очередь, наличие четких конституционных гарантий обеспечения прав и основных свобод человека - важнейший критерий оценки жизнеспособности Конституции. Любой шаг, направленный на разрешение каких-то политических задач путем конституционных изменений, но не исходящий из принципа гарантирования верховенства права, не может считаться конституционным и будет противоречить ценностям правовой демократии. **Один из важнейших принципов международного права заключается именно в том, что недопустимо какое-либо конституционное изменение, которое ослабляет защиту прав человека или гарантии осуществления этих прав и свобод.**

Вторая задача конституционных изменений - гарантирование дееспособности и плодотворной работы властей. Это возможно исключительно путем последовательной реализации принципа разделения властей, баланса их полномочий, укоренения действенной системы сдержек и противовесов. Любое осуществляемое в этом направлении изменение должно дать четкий ответ на следующие вопросы:

1. Какое изменение происходит в функциональных полномочиях ветвей власти и насколько они могут нарушить динамическое равновесие и нанести вред функциональной независимости той или иной ветви власти?
2. Как обеспечить системную гармонию цепочки **функция - институт - полномочие**?
3. Насколько изменения функциональных полномочий сбалансированы противовесными полномочиями?

4. Насколько сдерживающие полномочия целостны и надежны в условиях нового баланса функциональных и противовесных полномочий?

Третья важная задача конституционных реформ заключается в том, чтобы гарантировалось по возможности широкое общественное согласие относительно конституционных решений, одновременно были бы снижены до минимума или исключены внутриконституционные пробелы и несоответствия, преодолены тупиковые ситуации, укреплена внутриконституционная устойчивость, созданы основополагающие предпосылки гарантирования верховенства Конституции и установления конституционной демократии. Специалисты часто призывают в свидетели основную особенность американского конституционализма, согласно которой ему свойственны устойчивость в плане принципиальных оснований и гибкость в их функциональных проявлениях в соответствии с требованиями времени. Это характерно не только для американской конституционной практики, но считается важнейшим качеством конституционной культуры в международном масштабе. Поэтому конституционные реформы должны создать такие гарантии внутриконституционной устойчивости, **когда надежная и неукоснительная охрана основополагающих конституционных принципов сочетается с динамичным развитием конституционализма и конституционной демократии, последовательным обеспечением верховенства Конституции.** Эти качества - основные критерии современной конституционной культуры и имеют краеугольное значение для правового государства.